

ПО ДОРОГАМ ЛАОСА

И. ЩЕДРОВ

Кандидат исторических наук

РАЗБУЖЕННАЯ ДЕРЕВНЯ

СНАНГ Тхиа Кхам мы познакомились, когда проезжали мимо деревни Сиенг-Луонг, что километрах в сорока на восток от Сам-Нёа, в районе, контролируемом Патет-Лао. На короткий обеденный привал мы случайно остановились в ее хижине, которая ничем не выделялась среди семидесяти других, выстроившихся одна за другой в узкой горной долине. Все они на высоких, в человеческий рост, деревянных сваях, с легким, из бамбуковой дранки полом, который прогибается под ногами.

Потрескивают угольки очага, разведенного здесь же в хижине, течет плавная деревенская беседа. Почтенной Нанг восьмой десяток. Она родилась за несколько лет до захвата Лаоса французскими колонизаторами. Одета Нанг в старинную, с затейливыми расписными узорами юбку. На голове пучок торчащих вверх волос, что придает ей моложавый, какой-то даже озорной вид. Говорит почтенная Нанг певуче, словно рассказывает былинку. Сложив на коленях натруженные рабочие руки, она с добродушной любознательной улыбкой рассматривает нас. «Что нового, спрашиваете? Жить стало легче, лучше. Есть соль, рис, ткани. Раньше, при французах, еле концы с концами сводили. А в лес даже в голодные месяцы за кореньями или на охоту ходить было запрещено. Теперь этого нет. Конечно, четыре года — срок небольшой, и нельзя многого требовать. Как получилось, что жизнь стала лучше?»

Почтенная Нанг смотрит на нас несколько недоумевающе, но потом, видимо, вспомнив, что мы иностранцы, говорит: «Партизаны бились за лучшую жизнь, выпнали колонизаторов. Не без нашей помощи, конечно, — добавляет она. — Но главное в том, что после освобождения мы сами стали хозяевами, объединились. Все взрослые трудоспособные члены нашей хижины входят в группу трудовой сплоченности, которая объединяет еще три хижины, три семьи. Помогаем друг другу чем можем, во время полевых работ и на курсах по ликвидации неграмотности. Были в нашей школе? — обращается она к нам. — Нет? Ах, как жаль! У нас ведь теперь почти все учатся. Кто бы раньше в это поверил! Жаль, что я уже никак не могу одолеть грамоту. Вот годков бы десять-пятнадцать назад и я бы не уступила внукам!»

— А как обстоит дело с землей при объедине-

нии в группы трудовой сплоченности, с учетом труда и распределением его результатов? — обратился я с вопросом к Кхам Ма — старосте одной из небольших горных деревушек.

— У нас почти нет частных земель, — рассказывает он. — Разумеется, это относится главным образом к горным районам Лаоса, на долю которых, кстати, приходится более четырех пятых территории страны и где проживает свыше половины населения. Большинство же земель, — продолжает он, — принадлежит общине. Эти земли раз в пять лет подлежат переделу. В группе трудовой сплоченности нет строгого учета вклада, сделанного каждым из ее членов. Помогаем друг другу на взаимных началах, заранее обговорив очередность общих работ. Иногда помощь оказывается фактически, если можно так выразиться, бесплатно. Скажем, например, семьям бездетных стариков, женам наших бойцов и партизан, кадровых работников Национального фронта Лаоса, находящихся в других районах. Буйволы и слоны по-прежнему остаются в личном пользовании каждой семьи.

У нас почти нет сельскохозяйственных машин. Урожай зависит не только от самоотверженного крестьянского труда, но и от капризов природы.

— Вот взять последние месяцы, — рассказывает крестьянин Кхам Кен. — Сначала на нас обрушились ливни, которые вызвали наводнение. Затем поля атаковали целые полчища крыс. О, эти хищники страшнее тигров! — добавляет он. — Ночами поля буквально кишели серыми тварями. Против них пришлось вести настоящую войну с факелами и ядохимикатами. Выходили целыми деревнями. Только в нашем районе за несколько дней мы уничтожили свыше 80 тысяч крыс. И все же большую часть урожая спасти не удалось. Местные власти, опираясь на общественные организации, армию, организовали повторный посев. Лишь только так смогли избежать страшного голода.

Теперь, после разговора с Кхам Кеном, мне стало понятно, какой грозный смысл был вложен в название первого пограничного местечка близ вьетнамской границы — «На-Мео», что означает «Косачье поле».

Но уже сейчас, в трудное время, делаются важные шаги для последующего преобразования сельского хозяйства на современной научной основе. О первой опытной сельскохозяйственной станции в Бан-Кхо я впервые услышал на выставке сельскохозяйственной продукции в Сам-Нёа. Расположена она километрах в сорока от города и создана более года назад. Но уже сейчас об этой опытной станции идет добрая слава.

«Добро пожаловать, дорогие друзья», — встречает нас директор станции 43-летний Пон Семнапат. Боевой командир батальона, он из-за контузии выбыл из строя. На станции ведется большая экспериментальная работа по выращиванию риса, кукурузы, овощей, фруктовых деревьев, а также по птицеводству и животноводству. Достигнуты первые обнадеживающие результаты. Созданы первый сорт риса, который можно собирать по два раза в год, первый сорт кукурузы, который можно собирать по два раза в год. «Есть и первые неудачи, как на фронте, — шутит Пон. — Я надеюсь, — говорит он нам на прощанье, — что придет время, когда наша станция превратится в кузницу сельскохозяйственных кадров всей страны. А еще мечтаю побывать у вас в Советском Союзе, в совхозах и сельскохозяйственных опытных станциях, поучиться вашей передовой агротехнике, изучить ваш богатый опыт».

МИРНЫЕ БУДНИ САМ-НЁА

Губернатор Сам-Нёа принял нас в своей официальной резиденции — в двухэтажном особнячке. Тхао Ма около шестидесяти. На вид можно дать больше. За плечами обычная, а точнее, необычная жизнь ветерана национально-освободительного движения. «Я в революции с 1945 года», — рассказывает он. Мелкий провинциальный служащий, интендант партизанского отряда, организатор и руководитель подпольных патриотических групп в тылу у французских колонизаторов, заместитель командующего военной зоной, политический узник носавановской тюрьмы и, наконец, трижды губернатор Сам-Нёа — таков далеко не полный простой перечень этапов большого пути. «В последний раз стали губернатором Сам-Нёа в 1960 году после нашумевшего дерзкого побега из вьентьянской тюрьмы вместе с принцем Суфанувонгом?» — «Да, да, — подтверждает он, — именно тогда. Так что вам рассказать о провинции?»

Мы хотим узнать, что же нового произошло здесь за последние годы, прежде всего с лета 1962 года, когда были подписаны Женевские соглашения.

— Хорошо. Учтите только, что наша провинция обычная и эту же картину можете увидеть в любом из остальных районов, контролируемых Патет-Лао.

Продовольствие, соль и одежда — вот важные вопросы, которые приходится решать ежедневно. В целом положение нормальное. Успешному решению этих проблем, несомненно, помогли те политические и социально-экономические мероприятия, которые были проведены в районах, контролируемых Патет-Лао, за последние годы.

В Сам-Нёа, как и в большинстве других горных провинций Лаоса, и до освобождения не было ни помещиков, ни кулаков, ни иностранных плантаторов, — пояснил Тхао Ма. — Экономика же в значительной степени носила, да и продолжает носить, натуральный характер. Однако было кое-что страшнее помещичьей эксплуатации. Вы слышали о системе «куонг лям»? Нет? Так вот это своеобразная система жестокой эксплуатации крестьянского населения, которая существовала во многих районах страны. Заключалась она в следующем. Чиновники всех ступеней, начиная от деревенской и кончая провинциальной, были фактически наделены неограниченной властью и привилегиями. Они забирали себе лучшие земли, распоряжались лесами, горами и водоемами. Убил оленя — лучшую и нежнейшую его часть — чиновнику, убил медведя — целительную медвежью желчь — ему же, собрал лесной мед — снова отдай лучшую долю. В разгар уборочной страды крестьяне по очереди обрабатывали поля власти имущего чиновника. Если чиновник был покрупнее, то даже расходы на свадьбу его сына несли крестьяне. А помимо этого, с них взимались обычные налоги и поборы в королевскую казну. Прислуживались в домах этих мироедов по очереди те же простые крестьяне. Они убрали двор, ухаживали за скотом, готовили обед. Для себя же крестьяне еду обязаны были приносить из дому! Четыре года назад мы с этим покончили!

Нас интересует: куда же делись представители этого слоя? Кто сбежал в районы, контролируемые правой группировкой, кто подался к бандитам. Но многие остались и трудятся на земле. Некоторые из «бывших» вошли в группы трудовой сплоченности.

Сейчас систему «куонг лям» заменила народная власть. Все органы власти вплоть до уездного звена выборные. Голосование тайное, бюллетенями. В выборах принимает участие все взрослое население,

в том числе и женщины. В Лаосе это было введено впервые в 1957 году по инициативе Патет-Лао.

— Чем же сейчас, кроме сбора налогов, занимается деревенский староста? — задаем новый вопрос.

Лаосские друзья переглядываются, а затем на их лицах появляются улыбки.

— А он сейчас вообще не занимается сбором налогов. Ведь в контролируемых Патет-Лао районах налоги отменены!

В круг забот старосты теперь входит буквально все: от помощи в организации сельскохозяйственных работ и вплоть до курсов по ликвидации неграмотности. В беседах со мной руководители Патет-Лао неоднократно подчеркивали, что большое внимание они уделяют налаживанию самообеспечения продовольствием на местах. Кроме того, с начала прошлого года во многих районах развернулось широкое движение за сдачу риса в Фонд спасения родины. Это не налог, а добровольные взносы. От тех семей, в которых на душу в год приходится менее 100 килограммов риса, взносы, как правило, не принимаются. Остальные добровольно сдают не более 15 процентов риса, остающегося за вычетом необходимого для семьи прожиточного минимума. Фонд спасения родины обеспечивает продовольствием армию и партизан, помогает бедствующим районам, семьям солдат, партизан и кадровых работников Фронта.

КУЛЬТУРА, РОЖДЕННАЯ В ДЖУНГЛЯХ

Тхуонг — из народности кха, Миен — лаосец. Их сблизила революция, любовь к киноискусству. Я с ними знаком заочно с 1961 года по первому документальному фильму киностудии Патет-Лао об освобождении Долины кувшинов. Фильм снимали Тхуонг и Миен.

— Вы хотите встретиться с Тхуонгом и Миеном? — переспрашивает меня старый знакомый Сисана. — Ну что ж, оставайтесь у нас на месяц, другой. К этому времени они, возможно, вернутся.

Оказывается, неразлучные друзья снова в пути, снимают фильм о лаосской деревне. В горах Лаоса почти нет дорог, лишь узенькие тропки выютя сквозь дремучие джунгли. Всю аппаратуру и пленки приходится нести на себе. И так в пути проходят недели, месяцы, годы. Весной на экраны вышел десятидневный документально-хроникальный фильм о героях фронта и тыла. А пять групп кинооператоров молодого киностудии снова в пути. «Пожалуй, кино — у нас самый популярный вид массового искусства», — говорит Сисана. — На экранах идут фильмы не только наши, но и братских стран. Очень любят у нас ваши кинокартины». Нам приводят десятки примеров. Вот один из них. Полтора года назад в Аттоне (провинция в центральном Лаосе) отделом пропаганды «Нео Лао Хак Сат» был передан советский фильм «Партизаны в степях Украины». Его смотрят до глубокой ночи, иногда прокручивая по нескольку раз. «Все наши полныки забрать фильм и передать в другие провинции», — дополняет рассказ Сисана, — были безуспешными».

Большие успехи в области просвещения, которые достигнуты за последние два года в районах, контролируемых Патет-Лао, чувствуются на каждом шагу. Много внимания уделяется школьному преподаванию. В 1961 году были серьезно пересмотрены старые школьные программы и введены новые в соответствии с задачами революционной борьбы. Большое внимание уделяется развитию националь-

ной культуры. В этом году завершена работа над созданием письменности для народностей мео и кха. В ближайшее время на этих языках начнут преподавать в школах.

Самый большой вопрос в области просвещения — кадры учителей, хотя именно здесь патриоты добились наибольших успехов. В одной только провинции Саваннакет год назад было около 100 учителей, сейчас свыше 600. В этом году начальные школы имеются почти во всех крупных деревнях. В прошлом году открылся первый колледж в Сам-Нёа.

— Вас интересует наше просвещение, поезжайте в педагогическое училище, — посоветовали нам в Сам-Нёа.

Несколько часов езды по пыльной ухабистой дороге, и мы у цели. На небольшой ровной площадке у склона горной гряды, заросшей густыми джунглями, разместилось шесть-семь просторных бамбуковых барачков. На теневой стороне у одного из них сидят на корточках парни. Они о чем-то оживленно спорят, то и дело заглядывая друг к другу в тетради, испещренные цифрами. Это будущие учителя — студенты педучилища. Несколько минут спустя мы в кабинете у директора. Кхам Тялонуку нет и тридцати, но чувствуется, что директора здесь уважают. «Какие преподаем дисциплины? От литературы до математики. Ввели недавно санитарию. Для сельского учителя в наших условиях это очень важный предмет. За полтора года училище выпустило 60 учителей, готовим еще 84. Среди студентов у нас не только лаосцы, но и представители различных национальных меньшинств: мео, кха и других».

Чтобы встретиться с директором медицинской школы Вилем, пришлось проделать более 50 километров, и до самого последнего момента наши провожатые не были уверены, что встреча состоится. Но вот мы в хижине — «кабинете» директора. Сидим за длинным столом на бамбуковых шестах, заменяющих скамейки. Попиваем красный «лесной» чай, беседуем. Перед нами молодая девушка. Это и есть Вилем. Полное, удивительно спокойное лицо. Одета в голубую с цветочками кофту, зеленую юбку. В мочках ушей искрятся серьги. Коса завит в тугую жгут. Левая рука чуть выше кисти обвязана ниточкой. Это «баси» — что-то традиционное пожелание счастья и здоровья. Обычная девушка горного Лаоса. Может быть, в этой скромности, в спокойствии, за которыми чувствуется убежденность, сила, и кроется слава Вилем, слава, которая звенит по всей стране. В ноябре прошлого года ей был вручен орден «Итсала» первой степени. Только восемь человек, лучшие из лучших, удостоились этой высшей награды Патет-Лао, причем двое посмертно. И лишь одна женщина. Сотни людей обязаны ей жизнью, хотя многих из них Вилем не видел и, пожалуй, не увидит. Девушка — фармацевт. Ей всего 20 лет. С 13 лет Вилем принимает участие в освободительной борьбе, сначала связной подпольного центра, затем санитаркой.

«Приходилось бывать и на фронте», — скромно, не вдаваясь в подробности, отвечает она на наш вопрос.

Трудна и почетна профессия сельских и военных санитаров и санитарок. Видимо, не случайно в ответ на мой вопрос, кем они мечтают стать, многие мальчишки и девчонки отвечали: «Санитаром, врачом». Пройдут годы, наступит прочный мир, и вместо этих небольших медпунктов вырастут прекрасные больницы. Но я уверен, что героических санитаров сегодняшнего Лаоса не забудут.

Мне почему-то особенно запомнился один из сельских медпунктов в деревне Хуа-Кхан народности мео. Небольшая бамбуковая хижина с земляным полом. Легонькая двускатная крыша, под которой развешен большой трофейный американский парашют. Всего три комнаты. В комнатке справа два больничных топчана, покрытых циновками. Около каждого из них — по карабину. Командует этим «хозяйством» 22-летняя санитарка Чы, из народности мео. Слева от входа — ее «приемный кабинет». На прощание Чы говорит: «Будете писать, не забудьте рассказать о нашей жизни, о нашей борьбе. Мы знаем, что сейчас советские люди штурмуют коммунизм. Больших вам успехов в этом. Я очень люблю Советский Союз. Вот видите, — и она показывает на приклеенные к легкой бамбуковой стене вырезки из журналов, — это о вашей жизни. Мечтаю побывать у вас, поближе познакомиться с советскими женщинами».

Разными путями, иногда из самых, казалось бы, противоположных социальных слоев пришли эти люди в революцию. Но когда перебираешь в памяти их судьбы, понимаешь, что главное — это то, что их объединяет: ненависть к угнетению, любовь к родине, своему народу.

В горниле борьбы выковываются характеры, сливаются частные, иногда совершенно различные интересы в общий. В контролируемых Патет-Лао районах порою совершенно невозможно отличить генерала от солдата, министра от простого кадрового работника. В вооруженных силах нет знаков различия, да и сами звания существуют больше для переговоров с другими группировками. Ни военнослужащие, ни кадровые работники, ни учителя и губернаторы жалованья не получают. Им полагается лишь так называемый прожиточный минимум: рис, соль, да один или два комплекта одежды в год. Например, кадровым работникам и служащим ежемесячно выдается по 18 килограммов риса и 200 граммов соли. Но с кем бы мне ни приходилось встречаться, все считают это в порядке вещей. Главное — добиться общей цели — здесь все едины.

ЗА ЕДИНЫЙ, МИРНЫЙ И НЕЙТРАЛЬНЫЙ ЛАОС

В Сам-Нёа всего две улицы, которые встречаются под прямым углом в центре долины. Метрах в пятидесяти от образуемой ими площади, на небольшом холме — одноэтажная вилла. Здесь и принял нас в своей резиденции принц Суфанувонг. За последние годы он мало изменился, разве что седина стало побольше в волосах, да появились очки. Суфанувонг, как всегда, собран, бодр, искрится шутками. «Полтора часа совсем мало, но большего, к сожалению, выкроить не удалось», — говорит улыбаясь принц. — Очень много работы. Вы спрашиваете об истории и задачах нашей борьбы?»

Принц на несколько минут уходит в себя, а затем начинает рассказывать. Организационно патристический единый Национальный фронт Лаоса оформился в августе 1950 года, когда был создан «Нео Лао Итсала» (НЛИ), утверждена программа этого фронта. Председателем конгрессе правительственного на его учредительном съезде был избран принц Суфанувонг. Основной задачей в тот момент было изгнание французских колонизаторов и достижение страной полной независимости.

(Окончание см. на стр. 53)